

Прожилки времени

Кит Глубокий

18+

Кит Глубокий
Прожилки времени

«Автор»

2026

Глубокий К.

Прожилки времени / К. Глубокий — «Автор», 2026

Артём Сидоров — автомеханик, который ненавидит свою работу. Каждый день он крутит гайки, выслушивает идиотов-клиентов и мечтает: «Если бы двадцать лет назад я послушал мать и стал поваром» Он засыпает с этой мыслью. А просыпается — в другой жизни. Кондитером. Вот только и там не рай: долги, конкуренция и вечная гонка за выживание. Тогда Артём загадывает снова. И снова. И снова. Он проживает жизни военного лётчика, рок-музыканта, хирурга, геолога, актёра мыльной оперы, космонавта, фермера, художника в Париже и даже священника. Каждая новая реальность дарит ему навыки прошлых воплощений — но ни одна не даёт счастья. Потому что счастье не в профессии, деньгах или любви. Оно в умении принять единственную жизнь, которая у тебя есть. Прожилки времени» — это книга о выборе, сожалении и цене мечты. О том, что вечный поиск лучшей доли превращается в бег по кругу. И о том, что настоящее чудо — не сменить реальность, а остаться в ней, но проснуться другим.

© Глубокий К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Масло, которое капает на мозги	5
Глава 2. День сурка и проклятие технаря	9
Глава 3. Запах ванили	13
Глава 4. Сладкая жизнь с горчинкой	17
Глава 5. Корочка и начинка	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Кит Глубокий

Прожилки времени

Глава 1. Масло, которое капает на мозги

Артём Сидоров проснулся за десять минут до будильника. Это было первое звоночек того, что день будет дерьмовый. Хорошие дни начинаются с того, что ты досматриваешь сон и просыпаешься от музыки. Плохие — с того, что глаза открываются сами, будто кто-то под веками уже развёл бурную деятельность.

Он полежал минуту, глядя в потолок. На потолке, если присмотреться, можно было разглядеть карту мира: трещина в виде Африки, пятно от протекавшей крыши — Австралия, а старая дырочка от дюбеля, которую так и не зашпаклевали, идеально изображала Байкал. Тридцать девять лет. Холостяк. Живёт в однушке, которую снимает у тётки своей бывшей девушки. Запах в квартире стойкий, сложный: бензин, стиральный порошок и надежда на лучшее, которая просрочилась где-то год назад.

— Ну, погнали, — сказал Артём сам себе и сел на кровати.

Хрустнула шея. Хрустнули колени. Хрустнул позвоночник, и этот звук можно было расшифровать как «староват ты, парень для гаечных ключей».

Он сполз в ванную, умылся, почистил зубы. Посмотрел в зеркало. В зеркале отражался мужик с намечающейся лысиной, глубокими морщинами вокруг глаз (от напряжения, когда срываешь прикипевший болт) и вечно уставшим взглядом. Когда-то, классе в девятом, девчонки говорили, что у него глаза как у Джонни Деппа. Сейчас от Джонни Деппа осталось только жалкое воспоминание.

Восемь утра. Выходя из подъезда, Артём уже знал, что кофе в ближайшем ларьке закончился, а тот, что во втором, стоит дороже. Он купил растворимый «Три в одном» и пирожок с картошкой, который был тёплым только благодаря микроволновке в ларьке.

Автосервис «У дяди Васи» находился в промзоне, за железнодорожными путями. Вывеска была самодельная, синяя буква «У» держалась на одном шурупе и периодически крутилась вокруг своей оси. Дядя Вася, кстати, был жив, здоров и каждый день лично проверял, не сидят ли работники без дела. Дядя Вася считал, что если человек стоит ровно три секунды, то он уже ворует у него время. Артём подозревал, что дядя Вася в прошлой жизни был лагерным надзирателем, но спорить не хотелось — зарплату платили, хоть и с задержкой.

На территории уже ошивался Вован, коллега и главный инструмент для повышения давления у Артёма. Вован был из тех людей, которые умеют делать вид, что работают, лучше, чем умеют работать на самом деле. Он постоянно курил, постоянно жаловался на жизнь и постоянно брал чужие инструменты, а потом клал их в свой ящик с его слов «по ошибке».

— Здорова, Сидорыч, — сказал Вован, выдыхая дым в сторону входа. — У тебя лицо такое, будто ты ночью с покойником танцевал.

— С твоей мамой танцевал, — беззлобно ответил Артём. Это был их стандартный ритуал приветствия.

— Обижаешь. Моя мама на балу была, с губернатором танцевала, ей твои гаечный ключ не нужен.

Артём прошёл в бокс. Там уже стояло две машины: помятая «Приора» с запиской на лобовом «Масло горит, посмотрите» и белый «Фольксваген Поло» 2007 года, который регулярно пригонял один клиент с фамилией, похожей на звук падающего ведра — Бздюньский. Бздюньский всегда был уверен, что разбирается в автомобилях лучше любого механика. Он

всегда стоял над душой и постоянно говорил «а вот на моём предыдущем авто» и «вы уверены?». Сегодня Артём чувствовал нутром — Бздюньский приедет.

С утра дядя Вася выдал новость: домкрат сломался. Тот самый, гидравлический, который ещё советский, но верой и правдой служивший двадцать лет. Теперь вместо него был какой-то китайский рычажный, который при малейшей нагрузке издавал звук умирающего хомяка.

— Поставь «Фольксваген» на яму, — сказал дядя Вася, глядя в свой журнал с заказами. — И быстро. Клиент уже звонил, через полчаса будет.

— Может, сначала «Приору»? — попробовал Артём.

— «Приора» подождёт. У Бздюньского жена рожает, ему надо к обеду освободиться.

— При чём здесь его жена и машина?

— А это не моё дело, — дядя Вася пожал плечами и ушёл в кабинет считать деньги. Он любил считать деньги. Особенно чужие.

Артём загнал «Фольксваген» на яму, переделся в комбинезон, который когда-то был голубым, а теперь имел оттенок «технического масла с нотками грязи». Через двадцать минут, когда он уже открыл защиту картера и готовился слить масло, раздался голос:

— О, привет! Я это, вот, пришёл проконтролировать.

Бздюньский. Собственной персоной. Короткий, пухлый, в пуховике нараспашку, с пакетом из «Магнита» в руке. В пакете угадывались две бутылки какого-то пива и сухарики.

— У меня, знаете, аллергия на доверие, — пояснил клиент, заглядывая в яму. Артём снизу видел его двойной подбородок и блестящие глаза человека, который пришёл порулить процессом.

— Можете посидеть в зоне ожидания, там кофе есть, — сказал Артём максимально нейтральным голосом.

— Да я постою. Вы смотрите, тут масло не любое льют. Мне синтетику, 5W-30, только «Шелл». А то прошлый раз залили «Лукойл», и двигатель будто кашлять начал.

— Двигатель не может кашлять. У него нет горла.

— Вы ещё и шутите? А я переживаю. У меня жена рожает, машина нужна. Она, кстати, в роддоме, а я тут вынужден контролировать.

Артём вздохнул и принялся откручивать сливную пробку. Пробка была прикипевшая, и это всегда означало одно: он приложится костяшками о поддон. Так и случилось. Пробка соскочила, масло хлынуло в ёмкость, и часть его, по закону подлости, попала на нарукавник и несколько капель — на левую щёку.

— Осторожно! — крикнул Бздюньский сверху. — Вы испачкались!

— Это рабочая одежда, — сквозь зубы сказал Артём.

— А может, вам фаргук выдать? А то так и клиента испачкаете.

Артём сменил масляный фильтр, закрутил пробку, начал заливать новое масло. Пол-литра ушло куда-то мимо, потому что канистра скользкая, а на руках масло. Бздюньский комментировал каждый этап:

— Это вы зря так много льёте. Я читал, что перелив вреден. А вы щупом проверяли? А воздушный фильтр когда меняли? А свечи? А тормозные колодки? А то у меня при торможении звук, будто что-то скребёт.

— Мы договаривались только на замену масла, — напомнил Артём, вылезая из ямы.

— Ну и ладно. Я потом к другим заеду.

В этот момент заехал Вован на белом «Форде», который он ремонтировал последние три дня. Вован вылез из машины, почесал затылок и выдал:

— Сидорыч, а ты мой вороток не брал? Пропал куда-то.

— У меня свой, — ответил Артём, хотя точно знал, что вороток у Вована в ящике, просто тот поленился открыть.

— Странно. Ладно. Слушай, а дядя Вася сказал, чтобы ты после «Фольксвагена» ещё «Ниву» посмотрел, у неё сцепление воет.

— Какую «Ниву»? — не понял Артём.

— Вон ту, — Вован кивнул в угол двора, где действительно стояла зелёная «Нива», похожая на консервную банку на колёсах. — Клиент приехал полчаса назад, оставил ключи. Сказал: «Пусть тот, который с усами, посмотрит, у него взгляд умный».

— У меня нет усов, — машинально ответил Артём.

— Это клиент так шутит. Или не клиент, я не разобрал.

Артём посмотрел на часы. Полдень. Он ещё не завтракал, пирожок с картошкой так и лежал в кармане куртки, уже окончательно остыв. Кофе он выпил, но тот был такой, что лучше бы не пил.

— Так что там с маслом? — напомнил о себе Бздюньский. — Вы закончили? Тогда заводите, я послушаю.

Артём залез в «Фольксваген», повернул ключ. Двигатель завёлся, но с каким-то посторонним звоном. Металлическим. Плохим.

— Что это? — испугался клиент. — Раньше так не было.

— Не знаю, — честно сказал Артём. — Может, совпадение.

— Совпадение? Я приехал с ровным двигателем, а уезжаю с трактором! Это вы что-то сделали!

— Я просто поменял масло.

— Нет, вы что-то сломали! Я буду жаловаться! Вот прямо сейчас вашему начальнику!

Бздюньский убежал в кабинет к дяде Васе. Артём вылез из машины, закрыл капот и сел на перевёрнутое ведро. Руки тряслись. Не от страха — от усталости и бесконечной тупой злости, которая копилась годами.

Вован подошёл, сунул сигарету:

— Забей. Дядя Вася на твоей стороне.

— На моей стороне — усмехнулся Артём.

Дядя Вася вышел с Бздюньским через пять минут. Лицо у него было красное — то ли от злости, то ли от того, что чай пил с печеньками.

— Артём, — сказал дядя Вася тихо, но так, что мороз по коже. — Разберись. Либо двигатель, либо ты.

— Я не виноват, — начал Артём.

— Я сказал — разберись.

Артём снова залез под капот. Достал стетоскоп (механический, свой), начал слушать. Звон шёл от клапанной крышки. Возможно, открутился гидрокомпенсатор. Или маслоприёмник. Или просто показалось. Он же механик, а не экстрасенс.

К трем часам дня он снял клапанную крышку, проверил зазоры, перетянул всё, что можно. Звон чуть уменьшился, но не пропал. Бздюньский к тому моменту уже два раза звонил жене в роддом и сообщал, что «её детёныш останется без автомобиля». Жена, судя по крикам в трубку, была не в восторге.

В четыре часа Артём окончательно понял, что этот день не станет лучше. Он случайно опрокинул канистру с отработкой на бетонный пол. Масло растеклось огромной чёрной лужей. Вован, проходя мимо, поскользнулся и рухнул в эту лужу, увлекая за собой стеллаж с фильтрами. Фильтры покатались во все стороны как кегли. Вован лежал на спине, глядя в потолок, и философски заметил:

— Сидорыч, а ты знаешь, что я вчера видел во сне? Будто мы с тобой в Париже, в ресторане, и едим улиток. И у меня салфетка на груди, а у тебя — галстук-бабочка.

— Иди в жопу, Вован, — сказал Артём, но беззлобно. Сил на злость уже не осталось.

В шесть вечера, когда он наконец закончил с «Фольксвагеном», успокоив двигатель (звон оказался от ослабшего ремня генератора, не имевшего к маслу никакого отношения), Бздюньский уехал, не сказав спасибо. Дядя Вася объявил, что час, потраченный на лишнюю диагностику, из зарплаты вычтут. Вован взял его вороток и спрятал в карман комбинезона, даже не подозревая, что Артём это видел. «Нива» со сцеплением осталась на завтра.

Артём сел в свой старенький «Логан» (который сам же и чинил по два раза в месяц), включил зажигание. Машина завелась с третьего раза, и это был идеальный финальный аккорд дня.

По пути к дому него замигал чек-энджин. Он проигнорировал.

Дома он бросил комбинезон в угол, встал под душ и стоял там минут двадцать, глядя, как вода стекает по его рукам и уносит в слив мелкие масляные разводы. В зеркале на него смотрел мужчина, который двадцать лет назад выбирал между автомеханическим техникумом и кулинарным колледжем. Выбрал первое, потому что «парень должен разбираться в железе», «мужская профессия», «повар — это не серьёзно». А мама тогда сказала: «У тебя пальцы чуткие, Тёма. Ты бы торты украшал, все б соседи завидовали». Он засмеялся. Соседям было плевать на всё. Соседи сверху просто сверлили перфоратором в одиннадцать вечера и делали вид что это не у них.

Он лёг в кровать. За окном шумела трасса. На тумбочке лежала гайка. Артём взял её в руку, покрутил, потом резко швырнул в стену. Гайка глухо стукнула и упала на пол.

— Если бы я двадцать лет назад послушал мать, — сказал он в пустоту, негромко, устало, но с такой тоской, что слова повисли в воздухе как дым. — Если бы я пошёл на повара, а не в этот гребаный техникум

Он не договорил. Не хватило слов. Или воздуха. Или просто вера в то, что это имеет значение, испарилась ещё в обед.

Артём выключил свет, перевернулся на бок и провалился в сон — тяжёлый, без сновидений, похожий на яму, в которой он провёл половину своей жизни.

Глава 2. День сурка и проклятие технаря

Ночь прошла паршиво. Артёму снились гайки. Миллионы гаек. Они летели на него с неба, как саранча, и каждая говорила голосом Бздюньского: «Вы уверены? А может, вы не так закрутили?» Он проснулся в пять утра, полежал, глядя в карту мира на потолке, и понял: сегодня будет ещё хуже. Потому что когда просыпаешься за два часа до будильника, Вселенная уже держит тебя за яйца и медленно начинает их откручивать.

Он не стал завтракать. Кофе решил не покупать — всё равно тот, что вчера пил, оставил послевкусие горелой пластмассы, и повторять эксперимент над здоровьем не было желания. Просто оделся, вышел из дома и поехал на работу. «Логан» чихал, но ехал. Чек-энджин горел ровным, уверенным светом, как маяк в ночи. Артём решил, что если машина сдохнет, он просто ляжет на асфальт и будет ждать, пока его переедет что-нибудь большое и гуманное.

На территории сервиса уже дымил Вован. Увидев Артёма, он радостно сообщил:

— Сидорыч, тебе пиздец. Дядя Вася с утра злой. Вчерашняя «Нива» ночью на эвакуаторе приехала — клиент не доехал до дома. Сказал, что сцепление сдохло окончательно, и он будет подавать в суд.

— Сцепление и вчера дохлое было, — устало ответил Артём. — Я ему говорил, что нужно менять.

— А он говорит, что ты сказал «посмотрю», а не «меняй». И дядя Вася встал на сторону клиента. В общем, ты должен сегодня бесплатно перебрать коробку.

— Коробку? При чём здесь коробка, когда сцепление?

— Я не спорю. Я просто передаю. Дядя Вася сказал: «Пусть Артём отработывает». А ещё приехал тот мужик с «Киа Рио», который вечно орёт, что мы ему бензобак продырявили в прошлый раз.

— Мы не продырявили ему бензобак. У него там было сквозное отверстие от коррозии, я ему запаял.

— А он говорит, что после пайки бензин стал быстрее кончатся. И требует компенсацию топлива.

Артём хотел сказать, что этот мир сошёл с ума, но вместо этого молча прошёл в бокс и надел комбинезон. Комбинезон всё ещё пах вчерашним маслом. И надеждой, которая окончательно скончалась где-то между снятой клапанной крышкой и упавшим Вованом.

Дядя Вася вышел из кабинета с блокнотом. Его маленькие пороссячьи глазки смотрели ласково, что было верным признаком: сейчас он скажет что-то, после чего захочется взять трубу и бить себя по голове.

— Артём, голубчик, — начал дядя Вася таким сладким голосом, что Вован поперхнулся дымом. — У нас тут небольшая проблема. Приехал один клиент, очень важный. Он попросил самого лучшего мастера. Я сказал, что лучший — это ты.

— Что у него за машина? — спросил Артём без всякого энтузиазма.

— «Тесла».

Артём замер. Он — автомеханик старой школы, который привык к карбюраторам, распределителям зажигания и механическим приводам. «Тесла» для него была инопланетным кораблём. Он в жизни не трогал электромобили.

— Я не умею чинить «Теслы», — сказал он честно.

— А клиенту всё равно, — улыбнулся дядя Вася. — Он сказал: «Мне посоветовали вас, как единственный сервис, где работают мастера с золотыми руками». Я не стал его разубеждать.

— Он сейчас здесь?

— Уже заезжает. Будь другом, встретить.

Артём вышел на улицу. Серая «Тесла Модель 3» бесшумно вкатилась на территорию, словно призрак материализовался из тумана. Из неё вышел клиент. Молодой, в белой рубашке и очках в тонкой оправе, с таким выражением лица, будто он только что выиграл Нобелевскую премию, но ему вместо денег дали подержанный велосипед.

— Вы мастер? — спросил он, брезгливо глядя на комбинезон Артёма. — О, у вас пятно. Впрочем, ладно. У меня проблема: машина перестала заряжаться. Я вчера поставил её на зарядку, а утром — ноль. Индикатор не горит. Я посмотрел в интернете, там пишут, что может быть проблема с контроллером батареи. Или с предохранителем. Или с программным обеспечением. Вы разбираетесь?

— В интернете много пишут, — уклончиво ответил Артём.

— Я сам программист, — добавил клиент гордо. — Я написал нейросеть для диагностики автомобилей. Нейросеть сказала, что с вероятностью 87 процентов это высоковольтный контактор.

— Ага, — сказал Артём, поняв ровно половину слов. — Откройте капот.

— В «Тесле» нет капота, там багажник, — поправил клиент с лёгким превосходством. — Но я открою. Только вы аккуратно, там высокое напряжение. Триста вольт постоянного тока. Это вас убьёт мгновенно, если вы сунете не туда.

Артём сглотнул. Он привык к 12 вольтам. Максимум — 24 на грузовиках. Триста вольт — это уже не гайки крутить, это венки заказывать.

— Слушайте, — сказал он клиенту. — Вы не могли бы подъехать к официальному дилеру? У нас сервис по ремонту обычных машин. Бензиновых, дизельных. С двигателями внутреннего сгорания.

— Вы что, боитесь? — усмехнулся клиент. — Я думал, вы профи. Мой знакомый в «Мерседесе» в три минуты починил бы.

— Какой знакомый?

— Просто знакомый. У него тоже золотые руки. Он вообще на заводе работает, сборщик микросхем.

Артём закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Вдохнул запах бензина, масла и той самой безнадёги, которую он называл жизнью.

— Я попробую посмотреть, — выдавил он.

Он подошёл к «Тесле», открыл то, что клиент назвал «передним багажником», и увидел под пластиковой крышкой множество проводов, разъёмов и плат. Это был не автомобиль. Это был компьютер на колёсах. Артём умел отличать детонацию от стука клапанов на слух, мог по цвету дыма определить, что сгорело кольцо, и даже собрать двигатель вслепую. Но здесь он чувствовал себя неандертальцем, которому дали айфон.

— Ну что? — поторапливал клиент. — Видите контактор? Вон он, справа, оранжевый.

Артём протянул руку к толстому оранжевому кабелю.

— Не трогайте! — заорал клиент. — Это высоковольтная линия! Вы умрёте! Я же сказал, триста вольт!

— А вы не орите, — сказал Артём, отдёргнув руку. Пальцы слегка дрожали.

Сзади подошёл Вован, сунул сигарету в рот и деловито заметил:

— Сидорыч, я бы на твоём месте просто сбросил клемму с аккумулятора. Как на «Жигулях». На минуту скинул, и вся электроника перезагрузится.

— Здесь нет аккумулятора в привычном смысле, — фыркнул клиент. — У вас архаичные методы.

— А у тебя, парень, лицо архаичное, — обиделся Вован.

Артём решил рискнуть. Он нашёл маленький 12-вольтный вспомогательный аккумулятор под капотом (это он узнал из интернета когда-то случайно) и скинул с него минусовую клемму. Подождал минуту. Присоединил обратно.

— Всё, — сказал он. — Заводите.

Клиент сел в машину, нажал на педаль тормоза. Экран засветился. На нём высветилась надпись: «Система зарядки недоступна. Ошибка 587-В. Обратитесь в сервисный центр».

— Не работает, — констатировал клиент. — Вы ничего не починили.

— Я перезагрузил электронику, как на обычном компьютере, — пожал плечами Артём.

— Но это не компьютер, это автомобиль! — возмутился клиент. — Вы даже не открыли диагностический разъём!

— Покажите, где он.

Клиент указал. Артём подключил свой старый сканер, который подходил только к «Опельам» и «Фордам» до 2008 года. Естественно, он ничего не увидел, кроме иероглифов.

— Короче, — сказал Артём, выпрямляясь. — Мой вердикт: меняйте машину.

— С ума сошли! Это же «Тесла» за пять миллионов! — заорал клиент.

— Тогда везите к дилеру. Я не специалист по электромобилям.

— Я напишу жалобу! В налоговую! В прокуратуру! В общество защиты прав потребителей! Вы взяли за ремонт, вы обязаны сделать!

— Я ничего не обещал.

— Вы починили? Нет. Вы сломали ещё больше? Неизвестно. Но вы мой потраченный час должны компенсировать деньгами!

Тут Артём наконец почувствовал, как что-то внутри него щёлкнуло. Не гидрокомпенсатор. Не ремень генератора. Что-то другое. Защитный механизм, который двадцать лет сдерживал всё — идиотов-клиентов, жадного дядю Васю, ленивого Вована, вечно сломанный домкрат, убежавшую гайку, масло на щеке, разлитый кофе, чек-энджин, отсутствие семьи, однушку в спальном районе, трещину в потолке в виде Африки, пирожок с картошкой.

Он сжал кулаки. Подошёл к верстаку. Схватил накидной ключ на 17 — тот самый, которым откручивал прикипевшие гайки, тот самый, который держал в руках тысячи раз. И с силой швырнул его в бетонную стену.

Ключ ударился с противным лязгом, выбил кусок штукатурки и упал на пол. Воцарилась тишина. Вован выронил сигарету. Клиент с «Теслой» открыл рот. Дядя Вася высунулся из кабинета.

— Если бы я двадцать лет назад послушал мать! — заорал Артём. Голос его сорвался, но он продолжал, уже не контролируя себя. — И пошёл на повара, а не в этот гребаный техникум! Я бы сейчас не стоял в масле! Не слушал идиотов! Не перезагружал бы «Теслу»! Я бы я бы

Он не договорил. Горло перехватило спазмом. Артём понял, что сейчас либо расплачется, либо ударит кого-нибудь. А ударить было некого. Кроме самого себя.

Он повернулся, молча прошёл в подсобку, снял комбинезон, бросил его на пол, надел куртку и вышел на улицу. Сел в свой «Логан». Двигатель завёлся с пятого раза. Чек-энджин горел теперь не ровным светом, а мигал, будто насмеялся.

Он доехал до дома, не помня дороги. Поднялся, не раздеваясь, упал на кровать. Грязными руками, в уличной обуви. Ему было плевать.

— Двадцать лет, — прошептал он в подушку. — Двадцать лет. Я мог быть шеф-поваром. Или кондитером. Или кем угодно, только не этим

Он закрыл глаза. Мысли путались. Перед внутренним взором пронеслись все его невыполненные обещания, все «если бы», все разговоры с матерью, которая умерла пять лет назад и так и не дождалась, чтобы он хотя бы раз приготовил ей тот самый торт, о котором она мечтала.

— Если бы, если бы, — бормотал он, засыпая. — Если бы я только мог

Последнее, что он услышал перед тем, как провалиться в чёрную пустоту, был странный, необъяснимый звук. Будто где-то очень далеко, а может быть, и внутри его собственной головы, щёлкнул таймер. Или замок. Или сама Вселенная закрыла одну дверь и открыла другую.

Он спал. Ему снились гайки. Но теперь гайки кружились в воздухе и складывались в слова. Какое-то одно слово. Он не успел его прочитать.

А наутро он проснётся и почувствует запах ванили.

Глава 3. Запах ванили

Осознание не приходит мгновенно. Оно просачивается, как масло через прокладку — сначала капля, потом ещё, а потом ты уже весь в нём по уши. Только вместо масла — ваниль.

Первая капля: запах.

Артём лежит на боку, уткнувшись носом в подушку, и его обоняние регистрирует что-то невозможное. Подушка пахнет лавандой. Настоящей, сухой, дорогой лавандой, а не тем дешёвым освежителем, которым Вован опрыскивал салон убитых машин, чтобы «пахло как в раю». Артём не покупал лаванду. Он вообще ничего не покупал, кроме гаек, масла и гречки.

— Странно, — шепчет он, не открывая глаз. — Принюхался, наверное.

Вторая капля: звук.

Кто-то дышит рядом. Ровно, глубоко, с лёгким присвистом. Артём знает все звуки своей однушки: скрип половицы у двери, гул холодильника, который вот-вот сдохнет, перфоратор соседа сверху, но чужое дыхание в его кровати В его кровати никогда никто не дышал. Даже он сам иногда сомневался, дышит ли.

— Вован? — спрашивает он спросонья, но тут же понимает бредовость вопроса. Вован не дышит, он курит. И вообще, он мужик.

Артём с трудом разлепляет глаза. Сначала он видит чёрные ресницы. Потом — щеку, примятую подушкой. Потом — женское плечо в вырезе ночной рубашки. Рядом с ним, в одной кровати, спит женщина. Красивая. Не знакомая. И при этом — совершенно родная, хотя он видит её в первый раз в жизни.

Он замирает. Дыхание перехватывает. Сердце, привыкшее работать как старый дизель — надёжно, но с перебоями, — выдаёт внеочередной удар.

— Это сон, — говорит себе Артём одними губами. — Масляный, ванильный, но сон. Сейчас проснусь, и снова будет дядя Вася.

Третья капля: ощущение тела.

Он приподнимается на локте и чувствует, что спина не болит. Ни в пояснице, ни между лопаток — ничего. Обычно по утрам он вставал как робот, у которого забыли смазать шестерёнки: позвонки хрустели, мышцы ныли, колени отказывались сгибаться. Сейчас же тело было лёгким, как будто его накачали гелием. Он садится — без хруста. Поворачивает голову — без щелчка. Руки Он смотрит на свои руки, вытянутые перед собой, и впервые за двадцать лет не видит на них грязи.

Четвёртая капля: руки.

Он подносит ладони к лицу, близко-близко. Ногти ровные, чистые, без чёрной каёмочки отработанного масла. Сгибы пальцев — без застарелых потёков, которые не оттирал даже сильный порошок с песком. На тыльной стороне правой кисти — неглубокая, но аккуратная куликарная отметина: след от ожога паром, явно недавний, уже заживающий. Артём-механик таких ран не получал — у него были шрамы от гаечных ключей и порезов об арматуру. А это это рука повара. Кондитера. Человека, который работает с горячим и сладким.

— Ну всё, — бормочет он, вставая с кровати. Ноги ступают на тёплый паркет. В его квартире был линолеум, который даже летом оставался холодным, как совесть дяди Васи. — Либо я умер, либо сошёл с ума.

Пятая капля: обстановка.

Он выходит в коридор, и первое, что видит — фотографии на стене. Много фотографий. В деревянных рамках, в металлических. Артём останавливается как вкопанный.

Вот он, обнимает ту самую женщину из кровати. Смеётся. По-настоящему, открыто, без той гаечной хмури, которая последние годы въелась в его лицо. Вот они на пляже, он в шортах и фартуке — зачем в фартуке на пляже, чёрт побери? Но это уже не важно.

А вот — следующее фото. И Артём перестаёт дышать.

Двое детей. Мальчик и девочка. Оба в бумажных колпаках, похожих на те, что носят кондитеры. У обоих носы вымазаны кремом — кажется, шоколадным. Мальчик показывает язык, девочка строит глазами что-то невообразимо смешное. Они дурачатся на кухне — на той самой кухне, дверь в которую он видит сейчас справа. На заднем плане — противни с какими-то пирожными, венчики в мисках, и большая надпись рукой ребёнка на листе бумаги, прилепленном к холодильнику: «Папа лучший!»

Надпись на рамке гласит: «Маша и Глеб, 5 лет и 3 года».

Артём вцепляется пальцами в косяк, потому что ноги вдруг становятся ватными. В голове — белый шум, как от старого телевизора. Он смотрит на круглые щёки мальчика, на хвостик девочки, и мозг отказывается обрабатывать увиденное.

У него есть дети.

Он повторяет эту фразу трижды, и каждый раз она звучит как инородный текст на неизвестном языке.

У него есть дети.

Двадцать лет в автосервисе он даже кота не заводил. Потому что кот — это ответственность. Кота нужно кормить, убирать за ним, гладить. А Артём едва справлялся с самим собой. Он забывал купить хлеб, забывал заплатить за электричество, забывал, когда в последний раз менял простыни. Какой там кот? Он и кактус умудрился засушить, потому что поливал его раз в полгода и думал, что это нормально.

А тут — дети. Двое. Целых два маленьких человека, которые, судя по фотографиям, обожают его. Которые пачкают носы кремом и рисуют ему открытки. Которые, наверное, ждут, что он поведёт их в парк, почитает на ночь сказку, придёт на утренник. Которые, если он сейчас грохнется в обморок, начнут плакать и звать «папу».

— Папу, — шепчет Артём вслух и сам пугается этого слова. Он никогда не называл себя папой. Его папа бросил их с мамой, когда Артёму было восемь. У него не было примера, не было инструкции. А теперь у него есть сын и дочь.

На фотографии Маша смотрит на него своими большими глазами и у неё на щеке ямочка. Она улыбается. Ей пять лет. Она, наверное, уже умеет читать по слогам и задаёт тысячу вопросов. А Глебу три — он, наверное, таскает всё в рот и обожает машинки. Артём-механик мог бы научить его, в чём разница между грузовиком и легковушкой

Он закрывает глаза, прислоняется лбом к стене. Стенка пахнет краской и почему-то ванилью — здесь всё пропахло ванилью, даже кирпичи, наверное.

Когда он открывает глаза, фотография всё ещё здесь. Дети не исчезают. Значит, это реально.

— У меня есть дети, — говорит он уже твёрже. И вдруг, неожиданно для самого себя, улыбается.

Улыбка выходит кривой, неуклюжей, как будто мышцы лица забыли, как это делается. Но она есть. Потому что, чёрт возьми, у него есть дети. И они его любят.

Он проводит пальцами по стеклу рамки, оставляя на нём лёгкий отпечаток. Потом медленно идёт дальше.

Шестая капля: зеркало.

Он останавливается перед большим зеркалом в деревянной раме и не узнаёт себя. Это он, но не он. Те же серые глаза, та же ранняя лысина, тот же разрез губ — но всё остальное другое. Никакого второго подбородка, никаких мешков под глазами. Кожа лица свежая, будто он высыпался не один раз, а всю жизнь подряд. Плечи расправлены, живот подтянут. Он выглядит на тридцать пять, хотя ему тридцать девять. И одет не в заношенную майку с принтом «Mobil 1», а в белую футболку, которая пахнет кондиционером и почему-то корицей.

Седьмая капля: кухня.

Артём заходит на кухню и замирает, открыв рот. Это не кухня — это храм. Плита на шесть конфорок, духовка с панорамным окном, мраморная столешница, на которой выстроились банки с крупой и специями, отдельный шкаф для форм и противней. Холодильник — огромный, американский, с дисплеем на двери. К нему магнитиками прилеплены детские рисунки: радуга, солнце, подпись «Маша, 5 лет».

На столе — свежий багет под льняной салфеткой. В углу — настенный календарь с пометками: «Артём, корпоратив у Петровых, 200 макарунсов», «Забрать заказ шоколада в 10:00», «Лена, запись к стоматологу». Лена — так зовут ту женщину. Всплывает откуда-то из глубин памяти, не его, но уже его.

Восьмая капля: окно.

Он подходит к окну, раздвигает шторы. За стеклом — не промзона, не серые панельные девятиэтажки, не гаражи с ржавыми воротами. Там снег падает на уютные двухэтажные домики, деревья в инее, вдалеке — золотой купол церкви. Тишина. Только снежинки шуршат о стекло.

— Где я? — спрашивает он вслух.

— Дома, — отвечает сонный голос из коридора.

Лена стоит в дверях, кутаясь в пушистый халат. Она смотрит на него с лёгким недоумением и улыбкой.

— Ты чего встал в полшестого? Ложись, ещё рано.

— Я не могу уснуть, — выдавливает Артём, чувствуя, как его голос звучит непривычно — мягче, что ли. Без той хрипоты, которая появилась от двадцати лет криков в сервисе.

— Опять бессонница? — Лена подходит, кладёт голову ему на плечо. — Или ты переживаешь из-за того дегустатора? Не слушай его. Твои эклеры лучшие в городе.

Дегустатор. Эклеры. Артём кивает, не понимая ни слова, но его тело кивает само. Оно знает, что ответить.

Лена уходит обратно в спальню. Артём слышит, как она ныряет под одеяло и через минуту начинает ровно дышать. Он остаётся на кухне один.

И вот здесь, в этой тишине, наступает главный момент осознания.

Артём садится на стул. Стул не скрипит. Он смотрит на свои чистые руки, на свежий багет, на снег за окном. Закрывает глаза и специально, намеренно, вызывает в памяти предыдущие дни. Не этот «вчера» из жизни кондитера, а тот — настоящий, его.

Вот он лежит под «Фольксвагеном», и масло капает на щёку. Вот Бздюньский орёт: «Вы сломали двигатель!» Вот Вован падает в лужу с отработкой. Вот дядя Вася вычитает час из зарплаты. Вот он, Артём, швыряет ключ в стену и кричит: «Если бы я двадцать лет назад послужил мать!..»

Воспоминания чёткие, яркие, до дрожи в пальцах. Он чувствует запах масла, слышит лягз металла, ощущает тяжесть в спине.

А потом открывает глаза — и видит мраморную столешницу, ванильный багет и свои идеально чистые пальцы, пахнувшие лимоном.

Это не сон. Сны так не работают. Во сне нет такой тактильной памяти, нет двойных воспоминаний, нет этого ощущения, что ты протёр линзу и мир стал другим.

— Это случилось, — шепчет он. — Я изменил прошлое.

Слово «изменил» звучит дико. Как будто можно взять и перевернуть двадцать лет жизни, как перелистнуть страницу. Но вот оно — доказательство. Его руки. Его кухня. Женщина, которая его любит. Дети, которых у него никогда не было.

— Мама, — говорит он в пустоту. — Ты была права. Я должен был стать поваром.

И тут же, словно нажали кнопку, в голову хлынул поток новой памяти. Второй жизни. Не вытесняя первую, а накладываясь поверх неё, как калька. Он помнил и то, и другое.

В этой жизни его зовут так же — Артём Сидоров. Но он окончил кулинарный колледж, стажировался во Франции, три года работал в кондитерской в Лионе. Вернулся, открыл маленькое дело — «Сладкие прожилки». Название придумала Лена. Они поженились восемь лет назад, Маша родилась через год, Глеб — ещё через два. Ипотека, кредит на оборудование, сетевая пекарня напротив перебивает цены — но у него есть постоянные клиенты, которые ценят ручную работу.

Он вспоминает, как вчера (в этой жизни) спорил с поставщиком бельгийского шоколада. Как полдня отработывал консистенцию глазури для макарунсов. Как вечером читал Маше сказку про ёжика в тумане. Как Лена сказала ему перед сном: «Ты сегодня уставший, давай я сама отведу детей завтра». И он согласился, потому что сегодня — корпоратив, и нужно двести макарунсов.

Двести макарунсов. Артём переводит взгляд на календарь. Он не знает, как готовить макарунсы. В его прошлой жизни он умел только перебирать двигатели и менять прокладки. Но руки руки помнят. Они уже потянулись к холодильнику, где на нижней полке лежат миндальная мука, белки и сахарная пудра.

— Чёрт, — выдыхает он, проводя ладонью по лицу. — Я ни хрена не умею. Я же механик. Что я делаю на этой кухне?

Но тело не слушается паники. Оно открывает холодильник, достаёт яйца, ставит масло размягчаться. Пальцы сами нащупывают на полке венчик — не электрический, а ручной, потому что, как он вдруг вспоминает, для правильных меренг нужен только ручной. Откуда он это знает? Он и не знает и знает одновременно.

Артём стоит посреди кухни, сжимая в одной руке венчик, в другой — пакет миндальной муки, и медленно, очень медленно, понимает главное.

Он живёт сейчас в той самой жизни, которую проклинал вчера. В той, о которой кричал в гневе. И она — не идеальна. Ипотека, конкуренция, дети, усталость. Но в ней нет масла на щеке. Нет дяди Васи. Нет клиента Бздюньского.

— Так вот ты какая, вторая жизнь, — говорит он, глядя в окно на падающий снег. — Пахнешь ванилью. И у тебя есть свои гайки. Просто они называются «макарунсы».

Он усмехается, разбивает яйцо в миску и начинает отделять белки от желтков. И впервые за много лет — быть может, за всю взрослую жизнь — делает это без злости.

Он просто готовит. Потому что теперь это его работа. Его новая — старая — жизнь.

А впереди у него неделя, чтобы понять, счастлив ли он. Или снова спросить: «А если бы»

Глава 4. Сладкая жизнь с горчинкой

Первые три дня в теле шеф-кондитера Артём чувствовал себя так, будто его пересадили из кабины бульдозера за штурвал пассажирского самолёта. Красиво, высоко, страшно и непонятно, какая кнопка за что отвечает.

Он просыпался в 4:00 утра. Это был не подвиг и не осознанный выбор — просто в этой жизни у его организма была привычка вставать затемно, потому что тесто для круассанов нужно приготовить заранее, что бы к открытию были идеальные изделия с пылу с жару. «Тесто для круассанов» Артём повторял эти слова про себя, как мантру, когда стоял у плиты в полной темноте, пока Лена и дети спали.

— Я, бывший автомеханик, делаю слоёное тесто, — бормотал он, раскатывая пласт масла между двумя листами пергаменты. Руки помнили, голова — нет. Пальцы сами находили нужную толщину, сами чувствовали, когда масло становится слишком мягким, а когда — слишком твёрдым. Это было похоже на то, как если бы ты сел в незнакомую машину, а она поехала сама, да ещё и с идеальным переключением передач.

В первый день он чуть не разнес миксер. В его прошлой жизни миксером назывался гайковёрт, который выдавал четыреста ньютон-метров крутящего момента. Здесь же миксер был хрупкой, капризной итальянской штуковиной, которая требовала нежного обращения. Артём нажал на кнопку «пуск» с привычной силой — и миксер подпрыгнул на столе, скинул венчик и опрокинул миску с заварным кремом. Крем растёкся по столешнице, капнул на пол, и Лена, зашедшая на кухню со словами «кофе бы», застыла на пороге с выражением лица человека, который наблюдает крушение «Титаника» в замедленной съёмке.

— Артём, — медленно сказала она. — Ты в порядке?

— Да, — ответил он, вытирая крем с фартука. — Просто рука дрогнула.

— Рука? Ты двадцать лет делаешь этот крем. Ты можешь его с закрытыми глазами готовить.

«Вот именно, — подумал Артём. — Двадцать лет. Только не этого крема, а прокладок ГБЦ».

Он быстро понял, что главное в новой профессии — не рецепты (тело помнило их идеально), а скорость и многозадачность. В автосервисе он привык делать одно дело за раз: снял колесо — поставил, поменял масло — закрутил. Здесь же нужно было одновременно взбивать белки, следить за температурой духовки, раскатывать тесто и отвечать на звонки от заказчиков, которые хотели переделать торт за три часа до выдачи.

— Вы не понимаете, — говорила в трубку какая-то женщина голосом, в котором слышались слёзы и истерика одновременно. — У нас юбилей, а я забыла сказать, что внучка не ест глютен, лактозу, яйца и орехи. И ещё она веган. И у неё аллергия на свёклу. А торт уже готов!

— И что вы хотите? — спросил Артём, сжимая кулак свободной рукой. Его бывший механик внутри кричал: «Скажи ей, пусть идёт лесом!» Но новая личность, кондитер, вежливо улыбнулась в трубку (он физически чувствовал, как его губы расплываются в этой идиотской сервисной улыбке) и сказал:

— Мы переделаем. Веганский безглютеновый торт на рисовой муке с кокосовым кремом. Будет готов к пяти.

— Ой, спасибо! Вы лучший! — взвизгнула клиентка и отключилась.

Артём посмотрел на телефон, потом на миску с уже почти готовым заварным кремом на обычном молоке, и тихо, очень тихо выругался. Теперь в его лексиконе вместо привычного «бля» появлялись странные слова вроде «тапиока», «агар-агар» и «изолят соевого белка».

— Кто придумал эту жизнь? — спросил он у пустоты.

Вторая проблема оказалась серьёзнее, чем сломанный миксер или капризные клиенты. Кондитерская «Сладкие прожилки» была на грани. Не в переносном смысле — в буквальном. Артём, который в прошлой жизни сводил концы с концами только потому, что дядя Вася платил хоть и мало, но регулярно, теперь владел бизнесом с убытками, кредитами и ипотекой. Сетевая пекарня напротив — «Хлебный Дом 17» — открылась полгода назад и переманила половину клиентов своими низкими ценами и круглосуточной работой. Их круассаны были пластиковыми на вкус, но стоили в два раза дешевле. Люди, как объяснила ему Лена, голосуют кошельком, а не качеством.

— Если через два месяца мы не выйдем в плюс, — сказала она вечером, когда дети уже спали, — придётся закрываться.

Артём сидел за кухонным столом с чашкой ромашкового чая (в прошлой жизни он пил только растворимый «Якобс» и энергетики) и переваривал информацию.

— А если поднять цены? — предложил он.

— Тогда уйдут последние клиенты. Мы и так на пределе.

— Снизить расходы?

— Мы уже на минимальной закупке. Шоколад, масло, мука — хорошие ингредиенты стоят денег. Если мы начнём экономить, то потеряем то, за что нас любят.

Артём вздохнул. В его прошлой жизни проблемы решались просто: сломалось — почини, клиент недоволен — пошли его куда подальше, денег нет — возьми подработку шабашкой. Здесь же всё было запутанно. Сети, маркетинг, себестоимость, лояльность аудитории, санитарные нормы. Он чувствовал себя тем самым клиентом с «Теслой», который совал нос туда, где ничего не понимает.

Но был и светлый момент: семья.

Лена оказалась не просто красивой женщиной — она была умной, терпеливой и, кажется, по-настоящему его любила. Он проверял это каждым своим косяком. Например, на второй день он забыл, что обещал забрать Глеба из садика. Просто выпало из головы — он привык, что в прошлой жизни никого забирать не нужно было. Лена не устроила скандал. Она вздохнула, быстро оделась, уехала на такси и, вернувшись, сказала:

— У тебя был сложный период. Я понимаю.

— Какой период? — не понял Артём.

— Ну ты сам говорил, что выгорел. Что всё надоело. Что ты хочешь всё бросить. Я думала, это временное. Но если тебе нужна помощь — я рядом.

Артём смотрел на неё и чувствовал, как что-то сжимается в груди. В прошлой жизни никто никогда не говорил ему «я рядом». Был Вован, который брал его инструменты, был дядя Вася, который вычитал деньги, были клиенты, которые орала. И всё. А тут — жена, которая не только не орала, но и привезла ему из супермаркета новую пачку миндальной муки, потому что заметила, что старая заканчивается.

Маша и Глеб тоже оказались испытанием. Маша, пятилетняя командирша в юбке, сразу поняла, что с папой что-то не так.

— Папа, ты сегодня неправильно заплёл мне косичку, — заявила она утром третьего дня. — Одна толще другой.

— Извини, — сказал Артём, который никогда в жизни не плёл косичек. — Я переделаю.

— Не надо, мама переделает. Ты лучше расскажи сказку. Только не про колобка, надоело.

Артём собрался с мыслями и начал рассказывать про колобка, который уехал в автосервис и там заменил масло. Маша слушала с круглыми глазами, а потом спросила:

— А что такое масло?

— Ну, это — Артём осёкся. — Это неважно. Лучше слушай дальше.

— Ты странный, папа, — резюмировала Маша и убежала играть.

Глеб, трёхлетний молчун, просто подошёл к нему, ткнул пальцем в мозолистую (всё ещё слегка шершавую, несмотря на чистоту) руку и сказал:

— Папа, хочешь моего крокодила? — и протянул пластиковую игрушку.

Артём взял крокодила, посмотрел на него и вдруг понял, что сейчас заплачет. Сдержался. Сказал:

— Спасибо, сын. Очень хороший крокодил.

Глеб кивнул с серьёзным лицом и ушёл.

На четвёртый день, когда Артём уже начал привыкать к новым ритуалам (4:00 — подъём, 4:15 — замес, 6:00 — первые круассаны, 7:30 — завтрак с детьми), случилось то, что окончательно закрепило его в этой реальности.

Он стоял у плиты и взбивал крем «Англез» — нежный, на желтках и молоке, который легко сворачивается при малейшем перегреве. В прошлой жизни он крутил гайки, которые можно было перетянуть, но ничего страшного не случится — только резьбу сорвёшь. Здесь же лишние полградуса — и два литра крема превращаются в яичницу.

— Ты должен быть нежным, — сказал он крему шёпотом, помешивая венчиком. — Нежным, как жена. Или как новые тормозные колодки после обкатки.

Крем получился. Идеальный. Глянцевый, густой, пахнущий ванилью и маслом. Артём снял пробу на язык и зажмурился от удовольствия. Он никогда не пробовал ничего подобного. В прошлой жизни сладкое было на последнем месте — пирожки из ларька, печенье из автомата за десять рублей, торты на дни рождения коллег, которые покупали в магазине у дома. А здесь он создавал это сам.

В этот момент в кондитерскую вошёл первый утренний клиент — пожилая женщина с авоськой и собакой на поводке.

— Здравствуйте, Артём Викторович, — сказала она с порога. — А сегодня эклеры будут?

Артём понял, что он для этой женщины — Артём Викторович. Уважаемый кондитер, чьи эклеры она ждёт каждое утро.

— Будут, — ответил он, вытаскивая из духовки противень румяных заварных пирожных. — Сию минуту.

Он наполнил эклеры кремом — руки сделали это сами, без подсказки мозга, — украсил глазурью и выложил на витрину. Женщина купила четыре штуки, заплатила и ушла, пожелав «удачи в делах».

Артём посмотрел на витрину. Пустую, в основном. Только несколько пирожных, пара тортов на заказ и вчерашние макарунсы, которые уже зачерствели.

— Сетевая пекарня напротив, — пробормотал он, глядя на яркую вывеску «Хлебный Дом 17» через дорогу. — Сволочи.

Он вспомнил, как в автосервисе напротив открылся новый шиномонтаж и тоже переманил клиентов. Дядя Вася тогда сказал: «Ничего, это временно, клиенты поймут, что качество важнее цены». Не поняли. Шиномонтаж тот разорился через полгода, но и дяди Васины дела шли всё хуже. Артём тогда не придумал значения — его дело было маленькое, крутить гайки. А теперь он сам был на месте дяди Васи. И это было страшно.

Вечером, когда он укладывал Машу и Глеба спать, дочка спросила:

— Папа, а наша кондитерская закрывается?

— Кто тебе сказал? — Артём напрягся.

— Мама говорила по телефону. Сказала, что мы банкроты.

— Мы не банкроты, — твёрдо сказал Артём, хотя в душе не был уверен. — Мы просто перестраиваемся.

— А что это значит?

— Это значит, что папа придумает что-нибудь гениальное. Как в тот раз, когда он — он хотел сказать «перебрал двигатель на «Волге» за четыре часа», но вовремя остановился. — Когда он придумал новый рецепт брауни.

— Брауни вкусные, — согласилась Маша и закрыла глаза.

Артём посидел ещё минуту, глядя на спящих детей. На их ресницы, на разметавшиеся волосы, на плюшевого зайца, зажатого под мышкой у Глеба. И подумал: *«Чёрт возьми, я не имею права провалить эту жизнь. Здесь есть кто-то, кроме меня самого».*

Он вернулся на кухню, сел за стол и взял блокнот с рецептами. На первой странице его почерком (нет, не его — этого Артёма, кондитера) было написано: «Секрет успеха — в деталях. Как в часах. Или в двигателе». Он усмехнулся. Двигатель. Даже здесь он оставался механиком в душе.

— Ладно, — сказал он себе, открывая чистую страницу. — Ты умел чинить то, что сломалось. Значит, починишь и это. Сладкая жизнь с горчинкой — это всё равно лучше, чем горькая жизнь без грамма сладкого.

Он начал писать бизнес-план. Не зная ровно ничего о бизнесе, но чувствуя, что руки снова помнят то, чего не знает голова.

За окном в 4 утра снова падал снег. А через дорогу горела вывеска «Хлебного Дома 17». Конкуренты не спали. Но Артём тоже не спал. И у него было преимущество.

Он знал, как затянуть гайку так, чтобы она не открутилась.

И, возможно, этот навык пригодится не только в автосервисе.

Глава 5. Корочка и начинка

Десять дней в новой жизни прошли как десять лет. Артём освоился, врос в эту реальность корнями, но где-то глубоко под корой — там, где заканчивается сладкое тесто и начинается ржавый металл — продолжал сидеть червячок. Маленький, противный, с гаечным ключом в зубах. Он шептал: «А что, если»

Первые пять дней Артём был почти счастлив. Он научился делать идеальные макарунсы — с ножкой, с хрустящей корочкой и мягкой серединкой. Его круассаны получили восторженный отзыв от постоянной клиентки — той самой пожилой женщины с собакой, которую звали Зинаида Петровна. Она сказала: «Артём Викторович, вы будто заново родились. У вас руки засветились». Он тогда усмехнулся про себя: если бы она знала, насколько заново.

Лена тоже заметила перемены. Она говорила, что он стал мягче, терпеливее, перестал взрываться по пустякам. Дети радовались, что папа теперь каждый вечер читает сказки (правда, иногда вместо Колобка фигурировал карбюратор, но Маша это быстро пресекала). Всё шло хорошо. Слишком хорошо.

На шестой день случился первый звоночек.

Артём сидел в кондитерской, когда зашла молодая пара — выбрать торт на годовщину. Девушка, блондинка с идеальным маникюром, начала задавать вопросы:

— А у вас есть торты без сахара? Мы на кето-диете.

— Без сахара? — переспросил Артём, листая каталог. — Есть чизкейк на стевии. Но он на заказ.

— А без глютена?

— Тоже на заказ. Двое суток.

— А без молочки?

— Это уже третий торт разной конфигурации, — мягко сказал Артём, чувствуя, как внутри закипает старый, механиковский гнев. — Может, вы посмотрите готовые?

— Нет, мы хотим индивидуальный, — вмешался парень, который до этого молчал и чесал затылок. — Только чтобы не очень дорого. И доставить завтра к обеду.

Артём посмотрел на календарь. Завтра — четыре заказных торта, корпоратив на двести макарунсов и поставка шоколада, которую нужно принять. Индивидуальный торт без сахара, глютена и молочки — это минимум шесть часов работы.

— Завтра не получится, — сказал он. — Через три дня.

— Но у нас годовщина завтра! — воскликнула девушка. — Вы что, не можете войти в положение?

В этот момент Артём вспомнил Бздюньского. Тот же тон. Те же глаза — «весь мир крутится вокруг меня». Он сделал глубокий вдох. Сосчитал до десяти. И ответил:

— Я войду в положение. Но торт будет не идеальным. Вы готовы к риску?

— Ну — девушка замаялась.

— Тогда через три дня. Или в «Хлебном доме напротив» — там делают за два часа. Правда, на вкус он похож на картон, но без сахара, глютена и лактозы — обещаю.

Пара ушла. Артём выдохнул и почувствовал, как по спине течёт пот. Он только что послал клиентов к конкуренту. В прошлой жизни он делал так постоянно, и дядя Вася его ругал. Здесь не было дяди Васи. Здесь был он сам. И он только что, возможно, потерял потенциального постоянного клиента.

— Идиот, — сказал он себе. — Ты не умеешь продавать. Ты умеешь только крутить гайки и ворчать.

Вечером Лена спросила, как прошёл день. Артём честно рассказал про пару. Она помолчала, потом сказала тихо:

— Артём, ты в последнее время странный. Ты будто не понимаешь, что мы на грани. Каждый клиент на счету. Мы не можем позволить себе роскошь посылать людей.

— Я не послал. Я предложил альтернативу.

— Ты сказал про картон. Это было грубо.

Артём хотел возразить, но не нашёл слов. Она была права. Он вёл себя как механик, а не как кондитер. Механик может позволить себе грубость — клиент всё равно придет, потому что у него сломалась машина, и другого сервиса рядом нет. У кондитера выбора — море. На каждом углу пекарни.

На седьмой день пришёл кредит. Точнее, напоминание из банка: просрочка по ипотеке за второй месяц. Артём смотрел на цифры и не верил своим глазам. Сумма, которую он должен был выплачивать каждый месяц, равнялась его трёхмесячной зарплате в автосервисе. Как люди живут с такими долгами? Как он сам живёт с ними — уже десять лет, как выяснилось из новой памяти?

— Лена, — спросил он за ужином. — А если мы не вытянем? Если кондитерская закроется?

— Тогда потеряем дом, — ответила она спокойно, но в глазах мелькнул страх. — И будем жить у моей мамы. В двушке. С детьми. И с её кошками.

Артём представил эту картину. Тещу. Котов. Детей в одной комнате. Себя без работы. И понял, что ад — это не масло на щеке. Ад — это когда ты отвечаешь не только за себя.

На восьмой день он полез в интернет искать способы спасти бизнес. Блоги, форумы, видео с самозваными гуру маркетинга. «Как увеличить продажи в три раза за неделю», «Тайная психология покупателя», «Инстаграм для кондитеров — пошаговый план». Он прочитал десять статей, посмотрел пятнадцать роликов и в итоге закрыл ноутбук с ощущением, что его переехал самосвал.

— Они говорят про воронку продаж, — пожаловался он Лене. — Про лид-магниты, прогревы, ретаргетинг. Я не понимаю ни слова. Это какой-то марсианский язык.

— Это язык бизнеса, — вздохнула Лена. — Ты работаешь на себя. Никто не научит тебя за пять минут.

— Но мне нужно срочно. У нас два месяца.

— Тогда нанимай маркетолога. Или учись.

— На что нанимать? У нас денег нет.

Лена пожала плечами и ушла укладывать детей. Артём остался один на кухне, с ноутбуком и остывшим чаем. В голове гудело. Он взял в руки венчик — теперь уже родной, привычный — и начал машинально взбивать яйца для завтрашних эклеров. Руки работали, мозг перебирал варианты.

«Можно скинуть цену. Но тогда качество упадёт. Можно расширить ассортимент — но где взять время? Можно устроить акцию — но кто узнает?»

Ни один вариант не казался правильным. Он чувствовал себя так же, как когда-то в сервисе, когда клиент пригонял машину со странным стуком, а ты перебираешь всё подряд, и никак не можешь найти причину. Только тогда стук был в двигателе. А теперь — в жизни.

На девятый день произошло нечто, что окончательно сдвинуло его с места.

Он развозил заказы по городу на маленьком фургоне с логотипом «Сладкие прожилки». Последний адрес — офис какой-то IT-компании, где заказали тридцать капкейков на презентацию. Артём зашёл в холл, поставил коробки на стойку ресепшена и вдруг услышал знакомый голос.

— Артём? Ты? С ума сойти!

Он обернулся. Перед ним стоял мужчина его возраста, в дорогом костюме, с бейджем «Директор по развитию». Лицо — знакомое, но он никак не мог вспомнить, откуда.

— Петрович? — нерешительно сказал Артём, потому что в памяти всплыла кличка «Петрович» — так в техникуме звали одного парня, вечно лохматого, с двойкой по черчению.

— Он самый! — мужчина рассмеялся и хлопнул его по плечу. — А я смотрю — твоя кондитерская. Ты, говорят, крутой шеф-повар стал? А помнишь, как мы на втором курсе двигатель перебирали и забыли масло залить? Движок клинило, а мы не поняли почему.

Артём напрягся. В его памяти (той, старой, механиковской) Петрович был его одногруппником. Они вместе мучили «классику», вместе сдавали экзамены, вместе пили пиво после пар. Но в новой жизни, кондитерской, он не учился в техникуме. И Петровича знать не мог. А Петрович, судя по всему, знал его.

— Ты чего? — Петрович заметил замешательство. — Не узнаёшь? Двадцать лет не виделись, а я тебя сразу узнал. Ты мало изменился. Только похудел и руки чистые.

— Руки да, — выдавил Артём. — Петрович, а ты как здесь?

— Директором по развитию. Слушай, а давай встретимся, выпьем кофе? Расскажешь, как ты из механика в кондитеры подался. Я всегда думал, ты так и будешь гайки крутить.

Артём почувствовал, как земля уходит из-под ног. Петрович помнил его старую жизнь. Не эту — кондитерскую. А ту, механиковскую. Но как? Разве это возможно? Ведь если Артём изменил прошлое, то никто, кроме него, не должен помнить альтернативную версию.

— Давай завтра, — сказал он, чтобы что-то сказать. — Я позвоню.

Он вышел из офиса, сел в фургон и долго сидел, глядя на руль. Потом позвонил Лене:

— Лен, скажи, я ведь всегда был кондитером? Ну, с восемнадцати лет?

— Глупый вопрос, — удивилась она. — Ты с детства мечтал печь. Ты мне рассказывал, как в пять лет залез в мамин торт и съел всю розочку. Потом поступил в кулинарный, стажировался во Франции. Ты что, ударился головой?

— Нет, — ответил Артём. — Просто проверяю.

Значит, Лена помнила только одну историю — кондитерскую. Петрович — другую. Две реальности сосуществовали, и только Артём видел обе. Как будто он стоял на перекрёстке времени и смотрел на все дороги сразу.

Вечером он не спал. Лежал в кровати, смотрел в потолок с лепниной и думал. Лена спала рядом, тихо посапывая. На тумбочке лежала детская игрушка — крокодил, которого ему подарил Глеб. Артём взял игрушку, покрутил в руках.

— У меня есть всё, о чём я мечтал в сервисе, — прошептал он. — Семья. Чистые руки. Дело, которое я люблю (ну, почти люблю). Дети, которые меня обожают. Почему же я не чувствую себя счастливым?

Потому что страшно, ответил внутренний голос. Страшно, что кондитерская рухнет. Страшно, что ты не справишься. Страшно, что Лена разлюбит, когда увидит, какой ты на самом деле — не гениальный кондитер, а бывший механик, который не знает, что такое «ретаргетинг». И ещё страшнее — что дети вырастут и поймут, что их папа — самозванец.

— Это не моя жизнь, — сказал он едва слышно. — Я украл её у какого-то другого Артёма. У того, кто действительно умел печь. Кто не путал крем «Англез» с отработанным маслом.

Он закрыл глаза. И перед внутренним взором, как на старой плёнке, поплыли картинки из первой жизни. Вован, падающий в лужу с маслом. Дядя Вася, считающий деньги. «Логан» с вечным чек-энджином. Бздюньский с его «вы уверены?». И вдруг — прорыв: а что, если там, в той жизни, тоже было что-то хорошее? Что-то, что он потерял, мечтая о сладком?

— Свобода, — понял он вдруг. — Там я был свободен. Никто от меня не зависел. Я мог послать клиента, уйти в запой, не прийти на работу — и пострадал бы только я. А здесь здесь я в клетке. Золотой, вкусно пахнущей, но клетке.

Мысль была крамольной. Он прожил десять дней в раю и понял, что рай — это тоже тюрьма. Просто с лучшими обоями.

В голову полезли воспоминания из детства. Мама. Развод родителей, когда ему было восемь. Он остался с мамой, а отец ушёл, хлопнув дверью. Мама потом часто говорила: «Ты похож на отца. Такой же упрямый. Может, если бы ты жил с ним, стал бы военным, как он, — и не маялся бы с гайками».

Отец был военным лётчиком. Ушёл к другой женщине, потом пропал, потом изредка звонил, но Артём не хотел с ним разговаривать. А теперь он подумал: а что, если бы он тогда, во втором классе, после развода, остался с отцом? Уехал бы в другой город, пошёл бы в кадетскую школу, потом в лётное училище. Сейчас был бы майором, может, даже подполковником. Летал бы на истребителях, отдавал честь,пил с сослуживцами. Никакой выпечки, никаких кредитов. Простая мужская жизнь.

— Мама, — прошептал он в темноту. — Ты говорила, что я должен был стать военным. Как отец.

Лена пошевелилась во сне, что-то пробормотала. Артём осторожно встал, прошёл на кухню, сел за стол. Включил ноутбук. В поисковой строке набрал: «Можно ли изменить прошлое дважды».

Поиск выдал десятки ссылок на философские статьи, фантастические рассказы и форумы, где люди обсуждали теорию параллельных вселенных. Артём закрыл ноутбук. Он и так знал ответ. Можно. Первый раз получилось. Получится и второй.

— А если я ошибусь? — спросил он себя. — Если проснусь в худшей жизни? Если потеряю Лену, Машу, Глеба? Если этого Артёма-кондитера больше не будет?

Но внутри уже зрело решение. Потому что он был не кондитером. Не механиком. Не военным. Он был человеком, который всегда ищет лучший вариант. Который вечно недоволен тем, что имеет. Который смотрит на чужую траву и думает: а может, она зеленее?

Это было его проклятие, а возможность прыгнуть в другую жизнь — это его дар.

Артём подошёл к окну. За стеклом — утро, 4:30, темно, только фонари горят. Напротив светится вывеска «Хлебного дома 17». В его кондитерской тишина. Дети спят. Лена спит.

— Если бы я во втором классе остался с отцом, — сказал он в пустоту, тихо-тихо, почти беззвучно. — Если бы я не остался с мамой, а уехал к нему пошёл бы в кадеты, в лётное училище

Слова повисли в воздухе, как запах ванили. Или масла. Или пороха.

Артём вернулся в спальню, лёг рядом с Леной, взял её за руку. Она не проснулась, но пальцы сжала в ответ. Он поцеловал её в плечо, потом повернулся на другой бок и закрыл глаза.

— Прости, — прошептал он. — Но я должен попробовать.

Засыпая, он услышал тот же странный щелчок, что и в прошлый раз. Будто где-то внутри Вселенной переключили передачу. Или завели двигатель. Или открыли духовку.

А когда он открыл глаза в следующий раз, вокруг пахло не ванилью.

Пахло железом, потом и утренней побудкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.